

<https://doi.org/10.21638/2226-5260-2024-13-1-150-176>

НАТИВИЗМ, ТРАНСЦЕНДЕНТАЛИЗМ И ФЕНОМЕНОЛОГИЯ: ЕЩЕ РАЗ О НЕ-РАСПОЛОЖЕНИИ ИСТОЧНИКА ОПЫТА В МИРЕ

ДИАНА ГАСПАРЯН

PhD, профессор.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».
101001 Москва, Россия.

E-mail: anaid6@yandex.ru

Нативизм как теория, толкующая определенные способности и идеи как врожденные, рассматривается некоторыми современными философами как отголосок устаревших философских подходов. Критики по большей части упрекают его в ненаучности и метафизичности. В одной из своих наиболее крайних форм нативизм и вовсе обвиняют в мистицизме и отсутствии доказательств. Вместе с тем целый ряд весьма авторитетных мыслителей открыто называют себя нативистами и всячески отстаивают это направление в философии, когнитивных науках, лингвистике и других областях знания (Хомский, Макгинн, Лоуренс и Марголис). Главной целью настоящей статьи является анализ современной полемики между эмпириками и нативистами. Будет показано, что главный полемический узел, вокруг которого разворачивается дискуссия, может быть легко развязан посредством трансценденталистской интерпретации нативизма. В частности, обращение к феноменологии может помочь заметить важность идеи неприсущности источника опыта опыту. Феноменология, сохраняющая идею данной неприсущности, имеет в виду радикальный разрыв с онтологией природных объектов, и не станет, в частности, выводить врожденное знание из эволюционных механизмов, равно как помещать в состав биологического устройства организмов (например, мозга или протекающих в нем нейронных процессов). Предстоит показать, что большинство положений и опровержений современного нативизма основаны на непонимании классического «преодоления» диспута между эмпиризмом и рационализмом со стороны трансцендентализма и трансцендентальной феноменологии, а также требования трансцендентализма и трансцендентальной феноменологии не помещать источник опыт в тот же мир, в котором мы располагаем сам опыт. В исследовании предстоит рассмотреть, как должен выглядеть современный нативистский взгляд в своей трансценденталистской интерпретации для того, чтобы быть достойным противником современному эмпиризму.

Ключевые слова: нативизм, эмпиризм, врожденное знание, натурализм, трансцендентализм, аргумент от бедности стимула, аргумент от уверенности, генеративная лингвистика, врожденная грамматика.

© ДИАНА ГАСПАРЯН, 2024

NATIVISM, TRANSCENDENTALISM AND PHENOMENOLOGY: REVISITING THE NON-PLACEMENT OF THE SOURCE OF PHENOMENAL EXPERIENCE IN THE WORLD

DIANA GASPARYAN

PhD, Professor.
HSE University.
101001 Moscow, Russia.
E-mail: anaid6@yandex.ru

Nativism as a theory that interprets certain abilities and ideas as innate [The contexts we will consider prefer to speak precisely of innateness in the sense of New European philosophical discussions and avoid the notion of “a priori”/“a posteriori”, respectively, and we will stick to this terminological pair.], is considered by some contemporary philosophers as an echo of outdated philosophical approaches. Critics for the most part reproach it for being unscientific and metaphysical. In one of its most extreme forms, nativism is accused of mysticism and lack of evidence. At the same time, a number of very authoritative thinkers openly call themselves nativists and defend this trend in philosophy, cognitive sciences, linguistics and other fields of knowledge (Chomsky, McGinn, Lawrence and Margolis). The main aim of this paper is to analyse the contemporary polemic between empiricists and nativists. It will be shown that the main polemical knot around which the debate unfolds can be easily untied through a transcendentalist interpretation of nativism. In particular, an appeal to phenomenology can help to notice the importance of the idea of the non-essentiality of the source of experience to experience. Phenomenology, which preserves the idea of this non-essentiality, has in mind a radical break with the ontology of natural objects, and will not, in particular, deduce innate knowledge from evolutionary mechanisms, nor will it place it within the biological structure of organisms (e.g., the brain or the neural processes in it). It remains to be shown that most of the positions and refutations of modern nativism are based on a misunderstanding of the classical “overcoming” of the dispute between empiricism and rationalism by transcendentalism and transcendental phenomenology, as well as the requirement of transcendentalism and transcendental phenomenology not to place the source of experience in the same world in which we locate experience itself. The study is to consider what the modern nativist view must look like in its transcendentalist interpretation in order to be a worthy opponent to modern empiricism.

Keywords: nativism, empiricism, innate knowledge, naturalism, transcendentalism, argument from poverty of stimulus, argument from certainty, generative linguistics, innate grammar.

1. ВВЕДЕНИЕ

Нативизм означает учение о врожденности идей или способностей и имеет давние философские корни (рационализм Декарта, трансцендентализм Канта) (Descartes, 1951; Leibniz, 1996). Различные версии нативизма сохраняют свое значение далеко не только в когнитивных науках, но активно рассматриваются многими современными философами как альтернатива натурализму и различным версиям редукционизма — редукционизма сознания, языка, этики и пр.

«Нативизм» чаще используется как антоним «эмпиризма», согласно которому любое знание, равно как способности к этому знанию, приходит к нам из внешнего опыта. Спор при этом главным образом вращается вокруг происхождения определенных типов знания и навыков. Например, в случае спора между нативизмом и эмпиризмом в области лингвистики речь идет о способах освоения языка, а именно извлекается ли он особым образом из присущих человеку от рождения особых лингвистических структур или ретранслируется как воспринятое в опыте и воспроизводимое в новых условиях. Согласно противникам нативизма его недостатками являются «ненаучность» и теоретическая «лень», обусловленная отсутствием намерения находить генеалогические объяснения (например, наличием особой речевой компетенции или способности к абстрактному мышлению) (Prinz, 2004). Также нативизм критикуют за так называемые «интеллектуализм», «мистериальность» и «спекулятивность» (Barsalou, 1999). Наконец, еще один упрек заключается в том, что нативизм представляет собой скорее историко-архивную ценность и мало релевантен для современных исследований, ориентированных на успехи научного знания (Cowie, 1999). Однако сами нативисты полагают, что современный нативизм вовсе не находится в ущемленном состоянии, как полагают многие его критики.

Напротив, нативизм — это надежная и мощная объяснительная основа для понимания разума. Нативистские исследования были чрезвычайно продуктивными в последние годы, проливая свет на такие разрозненные когнитивные явления, как способность иметь языковые компетенции, обладать и пользоваться абстрактным мышлением, равно как логикой, представлять время и пространство, причинную связь, а также формировать и реализовывать нормативное поведение, осведомленное о моральных (этических) требованиях (Carey, 2000; Laurence & Margolis, 2001; Laurence & Margolis, 2013). Надо отметить, что споры между нативизмом и эмпиризмом зачастую происходят в области теоретической психологии или когнитивных наук и попадают на территорию философии, в частности, территорию философии сознания и феноменологии реже, чем этого можно было ожидать. Однако можно утверждать, что данная ситуация не совсем справедлива и стоит прибегнуть к анализу того, чем является нативизм в современных дискуссиях натурализма и феноменологии (Varela F. J., Thompson E., Rosch E., Zahavi D., Gallagher S., Petitot J., Pachoud B., & Roy J.-M.) и каков его философский потенциал.

Дебаты между нативизмом и эмпиризмом о том, есть ли врожденные когнитивные механизмы или что такое «врожденное», ведутся с некоторыми упущениями более глубоких различий между эмпирической и феноменологи-

ческой трактовками сознания. Мы бы хотели показать, что с точки зрения кантовского трансцендентализма, равно как трансцендентальной феноменологии, у современного нативизма и эмпиризма гораздо больше общего, чем принято думать. Неявное и неотрефлексированное сходство их позиций в фундаментальных основах при расхождении на гораздо более поверхностном уровне не позволяет обозначить проблему спора во всей полноте, равно как отчетливо представить возможные пути ее решения. Композиционно мы сначала рассмотрим чуть подробнее, что такое нативизм, затем рассмотрим главные аргументы самого нативизма в защиту собственной правомочности, равно как рассмотрим наиболее расхожие возражения против нативизма. Далее мы покажем, как нативизм последовательно не замечает присущей ему натуралистичности, а значит определенной эмпиричности и каким он мог бы быть (в качестве реальной альтернативы эмпиризму), если бы принимал во внимание ключевые тезисы трансцендентальной феноменологии.

2. НАТИВИЗМ VS ЭМПИРИЗМ

Ключевые проблематизации, составляющие главную интригу дебатов между эмпиризмом и нативизмом, начинаются уже в отсутствии единодушия в понимании того, что есть «врожденное». Сторонники доктрины «врожденности» обычно считают, что само по себе это понятие беспроblemно. Чаще всего они объясняют его как эффект «необученности», или знание того, что не могло быть получено из опыта. По сути, это положение восходит к классикам философского «рационализма» и может быть принято за рабочую версию. Между тем противники нативистской доктрины упрекают ее сторонников в том, что «врожденность» есть метафора, или аллегория, которая никак не поясняется и не раскрывается (Stich, 1975).

Обычно современный нативизм активно опирается на материал естественно-научных исследований и в целом апеллирует либо к биологии, либо к экспериментальной психологии. Сегодня наиболее авторитетными представителями нативизма являются не только философы, но работающие ученые — лингвисты, психологи, когнитивисты, антропологи, нейропсихологи и др. специалисты, полагающие, что при формировании опыта сами принципы формирования не взяты из опыта.

Разумеется, самым влиятельным вкладом в нативизм являются достижения лингвистики, в первую очередь генеративной (Chomsky, 1967; Fodor, 1983), которая далека от буквального натурализма, однако часто поясняет «врожден-

ное» как отсылающее к ситуации, в которой, как сказал однажды Хомский, домашний котенок слышит то же самое, что полугодовалый младенец человека, но через пару лет младенец начинает говорить на человеческом языке, а подросший котенок так и продолжает мяукать. В связи с этим может возникнуть ощущение, что нативизм в значении преформизма — это развернутая теория инстинктов. Между тем это не так, поскольку нативизм является теоретически-концептуальной доктриной, прибегающей к философской аргументации и спекулятивным рассуждениям (несмотря на обилие примеров из прикладных дисциплин), а также нативизм обращается к тем аспектам человеческой активности, которая не находится в прямом ведении биологических наук.

Нативизм отталкивается от наблюдений за развитием, в частности указывает на факт того, что, несмотря на решающую роль опыта в освоении каким-либо навыком, живые существа демонстрирует неожиданно быстрый прирост информированности. Например, ребенку требуется совершить минимальное число повторов для воспроизведения того или иного действия — иногда достаточно однократного наблюдения за действием взрослого, и, что существеннее, ребенок способен к действию или знанию, которому его никто не учил. Ребенок демонстрирует осведомленность, которой было попросту неоткуда взяться, если предполагать опыт¹. Ребенок распознает объекты существенно креативнее, чем мы могли бы от него ожидать. В частности, познакомившись всего с несколькими версиями образа зайца в своем визуальном опыте, он самостоятельно идентифицирует «еще одного зайца» в виде новой картинки или игрушки. Уже к полугоду ребенок отчетливо демонстрирует удивление от исчезновения предметов и переносит опыт прошлых наблюдений на будущие события — то есть, по сути, демонстрирует ожидания там, где они еще вполне могли бы не появиться². С началом овладения речью начинается наиболее бо-

¹ Примеров подобной осведомленности может быть и из области психологии, нейропсихологии, эволюционной эпистемологии и пр. В частности, речь идет о таких когнитивных способностях, как способность перцептивно воспринимать объемные фигуры, величину объектов, способность к ритуальному поведению и т.д., которые не предполагают научения, но запускаются автономно.

² Бауэр (Bauer, 1979) одним из первых показал, что младенцы имеют представление о том, что объект продолжает существовать. Он продемонстрировал следующее: младенцы трех месяцев «удивляются», когда движущийся объект не появляется из-за ширмы (показателем удивления служили изменения сердечного ритма). При внезапном исчезновении объекта младенцы переставали сосать соску, что было также показателем «удивления». В другом эксперименте Бауэр выключал свет до того, как ребенок мог дотянуться до желаемого объекта. Младенцы тянулись за невидимым объектом даже при значительной продолжительности темного периода.

гатым на чудеса развития период — ребенок овладевает речью по скоростям и объемам, существенно превышающим те пределы, в которых происходит научение или воспроизведение услышанного.

Как правило, взрослые отмечают необъяснимое приращение языковых компетенций — с родным языком ребенок может делать нечто такое, что делает не всякий взрослый, изучающий этот же язык продолжительное время, но не являющийся носителем другого. Ребенок, который еще только начинает говорить, не имея большого языкового опыта, говорит по большей части правильно. Интересно также, что ошибки, к примеру, русскоязычного ребенка будут отличаться от тех, которые сделает взрослый носитель английского языка, изучающий русский. Ребенок не будет делать тех ошибок, которые делает взрослый, и наоборот. При этом эта асимметрия по большому счету будет в пользу ребенка, проявляющего, несмотря на недостаточную развитость речи, признаки экспертного знания — каким-то образом он чувствует возможности языка и, даже ошибаясь, их учитывает. При этом никакой гарантии того, что язык в свой бессознательной («детской») стадии осваивается именно так, как учит впоследствии языковедение или лингвистика, у нас нет. Напротив, есть серьезные аргументы в пользу того, что он так *не* усваивается. В противном случае обучение иностранным языкам взрослых людей по лингвистическим правилам привело бы к столь же быстрому освоению языка, как мы это видим у детей. Если бы были правы сторонники бихевиористских гипотез, языковые возможности ребенка не должны простирались далее того, что он мог воспринять от своего окружения. Но результаты многих экспериментов отчетливо подтвердили наличие спонтанных механизмов речи. Уже трех- или четырехлетний свободно пользуется естественным языком с его зубодробительно сложной системой манипуляций знаками. Этот удивительный феномен позволяет предположить наличие глубинных самозапускающихся программ, не сводимых только к освоению языка, но имеющих отношение и к другим мыслительным процессам.

Всему этому должно быть какое-то объяснение и нативизм указывает на присущность ряда компетенций определенным существам от рождения. Это наиболее сильный довод нативистов, который они обычно используют для демонстрации бесперспективности обучения в значении получения внешнего опыта. Однако мало кто из эмпириков возьмется отрицать этот очевидный факт. Поэтому сам факт наличия неодинаковости в системах восприятия различных существ еще не может служить критерием различия между нативизмом и эмпиризмом. Кроме того, и сама врожденность толкуется сторонниками одного и другого направления не как наличие или отсутствие определенного

биологического аппарата, а как определенная логика, по которой этот аппарат функционирует. Речь идет о характере получения самого опыта, в основе которого лежат определенные принципы. Опыт формируется на протяжении всей жизни, расширяется и трансформируется, следовательно, требуется понять, происходит ли это согласно внутренней организации самого опыта или исключительно за счет воспроизводства полученных извне данных.

Современный спор нативизма против эмпиризма в основном вращается вокруг обнаружения тех механизмов, которые отвечают за приобретение опыта. Эмпиризм объясняет богатство и разнообразие когнитивных компетенций ссылкой на условия окружающей среды, в которых происходит формирование и развитие навыков. Важно понимать, что даже эмпиризм не готов напрямую соотносить получаемый опыт с непосредственным обращением к действительности, но, скорее, исходит из базовых систем, которые зависят от внешнего окружения, но после своего формирования начинают функционировать как посредник между средой и опытом.

Совокупность данных систем является своего рода базой эмпирических приобретений и определенным ключом к пониманию того, чем они являются, служит любая органная система, которая сначала формируется в ходе эволюционных процессов, а в дальнейшем определяет работу организма. Расхожим объяснением когнитивной спонтанности, будь то способности к освоению языка или оперированию абстрактным мышлением, равно как способности к интуиции числа и счета, представлению пространства и времени является т. н. отсылка к формированию эмпирического приобретения в апостериорной перспективе и, как правило, коллективными сообществами.

Эмпирический инструмент формируется коллективно, в обозримой и понятной прагматической форме, а проявляется и используется индивидуально в виде, кажущимся «врожденным». Иными словами, из-за того, что навыки и компетенции приобретаются не индивидами, а родами и коллективами, но сохраняются и манифестируются в видах, может возникать иллюзия врожденности. Еще одним важным принципом эмпирической аргументации является ограниченный характер базы приобретений. Различные компетенции управляются не различными модулями, а зачастую сводятся к единому основанию. Нативизм, напротив, предполагает, что разные системы приобретения действуют в разных когнитивных областях (например, когнитивные механизмы изучения естественного языка отличаются от механизмов освоения счета). Нативисты объясняют богатство и разнообразие когнитивных результатов дифференцированной и разветвленной системой внутренних структур и предпочитают не

проводить прямых отсылок к сформированному в прошлом усилиями коллектива (рода) эмпирическому приобретению.

Согласно нативизму, данные структуры являются так называемыми «домен-специфическими» (Gelman, 2000), то есть не формируются и не развиваются из более фундаментальных доменных структур. В нативизме наличие врожденных структур не выводится ни из коллективной апостериорности, ни из эволюционного правила, и в этом смысле неплохо согласуются с философской программой трансцендентализма, например, кантовского типа. Тем не менее, как мы покажем ниже, нативизм в значительной степени отличается от трансцендентализма и по ряду своих характеристик ближе, скорее, натурализму. Далее мы рассмотрим ключевые аргументы нативизма против эмпиризма, а затем попробуем оценить его противэмпирический потенциал, используя доводы как программы кантовского трансцендентализма, так и трансцендентальной феноменологии.

3. АРГУМЕНТЫ В ПОЛЬЗУ НАТИВИЗМА

В пользу непосредственно современного нативизма, как правило, высказываются всего два аргумента. Наиболее известным и широко цитируемым из них является *аргумент от «бедности стимула»*. Согласно этому аргументу, поступающая извне информация недостаточна для того, чтобы сформировать дифференцированный отклик (Laurence & Margolis, 2001). В отклике всегда содержится существенный прирост детализации полученной информации. Нативисты говорят об этом как о возникающей на принимающей стороне «компенсации», которая и формирует более богатый и конкретизированный навык. Реализуемый в той или иной компетенции (например, навыке речи или счета) набор структур эксплицируется из более общих навыков (слышать, повторять, запоминать, воспроизводить и пр.). Приводимые нативистами примеры обучения всегда строятся по принципу указания на ограниченный объем изначальных данных, включая уровень применения правила, который, тем не менее, успешно применяется.

Эмпиризм к данному аргументу настроен критично. Классический эмпирический контраргумент, который при этом приводится следующий — бедна не среда, а средства замера данных среды (Putnam, 1967; Cowie, 1999). Указание на то, что во внешнем стимуле находится заведомо меньше информации, чем в воспроизводимом отклике, является таким же эмпирически неполным и вероятностным, как и любой другой эмпирический аргумент.

Ясно, что непродуктивность подобной дискуссии обусловлена исключительно количественным сопоставлением данных в стимуле и в отклике. Сильной версией аргумента от стимула должна была быть такая, в которой отчетливо показан качественный прирост данных (например, навыков или компетенций). Еще один «отвод» аргумента от бедности стимула эмпирики делают, указывая на статистику успехов и неудач в выведении детализированной информации из более общей. Прирост детализации не обязан быть равно эффективным для того, чтобы обеспечить достоверность самого принципа выведения из общего (Prinz, 2004). Между тем, согласно нативизму, любое обучение окажется парализованным, если не допустить способность применять общее правило в частных условиях, причем не подпадающих под общее правило (Cowie, 1999; Goodman, 1967).

Согласно нативистам, способность применять общее правило для частных случаев не является результатом дедукции или индукции, но именно отклоняющейся от самого правила импликацией. Речь идет о применении правила в новых условиях и к новым объектам, но для того, чтобы какое-то новое было замечено, правило должно быть тоже пересмотрено. Так, ребенок, имея всего несколько графических версий образа, например мяча, в своем визуальном опыте самостоятельно идентифицирует образ «нового мяча». Так же в случае с человеческой способностью к распознаванию образов: речь практически никогда не идет о большом числе накопленных экспонатов, но лишь об ограниченном, применение которых «по месту» всегда немного «искажается».

Ярче всего аргументация нативистов проявляется в области научения языку и речевым компетенциям. В частности, согласно сторонникам генеративной лингвистики, дети усваивают всю грамматическую систему родных языков без специальной помощи. Им лишь нужно слышать, как говорят другие, не подвергаясь никаким специальным обучающим программам. К тому времени, когда ребенка начинают обучать азам грамматики, ребенок уже имеет гораздо более квалифицированные навыки речи. К этому возрасту он демонстрирует знание сложных грамматических правил, механизм освоения которых взрослому непонятен. Даже бихевиористы не могут отрицать факта креативности языка. Так Скиннер (Skinner, 1957) и его последователи (cf. Lovaas, 1977) понимали, что скрупулезное воспроизведение ранее услышанного было бы слишком медленным процессом, чтобы служить объяснением галопирующего развития речи. Их объяснение этого феномена заключалось в том, что, когда детей обучают специфическому лингвистическому поведению, они могут быстро распространять (генерализовывать) усвоенное на новые ситуации.

Например, ребенок, которого научили образовывать множественное число от какого-то слова, может автоматически ставить новые слова в множественное число без дальнейшего обучения. Однако согласно Хомскому и его последователям, подобная генерализация возможна только в условиях постоянного пересмотра и отклонения от обнаруженного правила. Подобные факты гораздо хуже объясняются различными эмпирическими программами знания, в то время как нативизм справляется здесь лучше.

Второй важный аргумент в пользу нативизма является больше биологическим, чем философским, однако философы, которые благоволят нативизму, также его используют. Согласно данному аргументу, у каждого живого вида существует такой набор программ, обеспечивающий его жизнедеятельность, который запускается при рождении и сопровождает всю жизнь. Значительная их часть не требует никакого обучения или развития. Важным уточнением в данном случае является тот факт, что те процедуры обучения, которые все же могут потребоваться, могут быть реализованы только на основе уже имеющихся навыков обучаться тому, чему учат.

Развитие навыков никогда не происходит «с чистого листа», но, скорее, представляет собой развертывание одной программы, которая начинается где-то в донатальном периоде, но раскрывается в полной мере уже после рождения. В одних случаях системы развития навыков широко распространены среди всех видов, а в других они уникальным образом подходят для удовлетворения конкретных потребностей определенного вида. Согласно нативизму некоторые из систем являются, скорее, универсальными, а иные более специализированными, и как раз более специализированные программы требуют некоторого «инструктажа по месту». Типичными примерами подобных программ являются смена видов активностей в зависимости от суточного цикла, определение съедобного и несъедобного, сигнальные системы, предупреждающие об опасности или передающие информацию о наличии еды или гнездования и пр. Как видим, нативизм довольно активно прибегает к примерам из области природных явлений, поскольку полагает принципы врожденности вполне универсальными. Так же точно нативисты указывают на принципы раскрытия сложных когнитивных процессов, проявляющихся, в частности, у людей.

На многочисленных примерах из области биологии нативисты иллюстрируют положение о пределах системы обучения. Усваивается только та информация, которая может быть усвоена, равно как проявляются те навыки, которые не могли бы не проявиться. При этом в процессе развития часто определенные паттерны поведения или мышления часто проявляются целно и законченно,

без экспликации последовательной и длительной истории формирования. Ярким примером такой способности является уже упоминаемый выше феномен ожидания сохранности объекта через случаи интервальной демонстрации (Baier, 1979). Уже в очень раннем возрасте дети полагают, что объект не исчезает на то время, пока непосредственно не наблюдается. Они считают, что мяч, который скатывается под кровать, не исчезает, несмотря на то что его больше не видно, причем их предшествующий опыт удостоверения именно такой ситуации крайне беден.

Изначально большинство возрастных психологов исходило из того, что эта способность формируется постепенно в течение длительного периода времени и что младенцы должны вначале так или иначе овладеть базовым представлением о реальности (чтобы под этим ни подразумевалось). Однако впоследствии данная трактовка подверглась критике, так как не удалось подтвердить выводимость ожиданий о постоянстве объектов из опыта. Если объект не находится в непосредственном опыте, то его существование контринтуитивно и должно обосновываться отдельно. Однако историю данных обоснований возрастным психологам так и не удалось обосновать, что дало нативистам дополнительные основания утверждать врожденный характер базовых когнитивных установок.

Если говорить о более умозрительных, собственно философских аргументах³ в пользу нативизма, то можно указать на еще один аргумент — *аргумент от уверенности*. Его открытием мы, по-видимому, обязаны Платону (он, впрочем, не использовал подобных названий), хотя впоследствии этот аргумент станет классическим для всей программы нововременного рационализма и, конечно, кантовского трансцендентализма. Аргумент от уверенности демонстрирует, что, знакомясь с некоторыми данными, притом что узнаем мы о них впервые, мы демонстрируем необъяснимую уверенность в истинности этих сведений.

Пример обнаружения данной уверенности можно найти в решении какой-нибудь математической задачи, например, возведя сумму в квадрат: $(a + b)^2$ или построив квадрат с площадью 8 квадратных единиц⁴. На первый взгляд, квадрат суммы равен сумме квадратов: $a^2 + b^2$. Но потом мы понимаем, что

---

³ Некоторые заслуживающие внимания предложения см. в: (Ariew, 1996; Cowie, 1999; Sober, 1999).

⁴ Пример с решением данной задачи Платон приводит в своем знаменитом фрагменте диалога «Менон», где мальчик 8–10 лет впервые находит площадь квадрата в 8 единиц и демонстрирует все признаки аподиктической уверенности на каждом шаге решения вплоть до финала, несмотря на изначальную контринтуитивность и абсолютную неочевидность данного решения.

преобразование выглядит чуть сложнее, а именно как $a^2 + 2ab + b^2$. Знакомясь с неочевидным для нас решением, мы не только тут же проникаемся к нему доверием, но и не сомневаемся в его всеобщности и необходимости. В частности, у нас не возникает намерения проверить верность такого квадратного уравнения в отношении разных значений. Скорее всего, однократное доказательство убедит нас в истинности равенства в отношении любых значений.

Согласно данному аргументу, существует способность одновременно переходить к убеждениям такого уровня, которые должны были бы затребовать многочисленных подтверждений. Абсолютизация экстраполяции полученного опыта срabатывает не всегда. В отношении огромного множества самых разных сведений о мире мы пребываем в состоянии неуверенности: мы несколько раз перепроверим то или иное утверждение прежде, чем его принять. Но в отношении некоторых данных, тотчас после их уяснения, мы преисполняемся другого уровня убежденности — такие данные освобождаются от проверок. Нативизму в данном случае проще предположить, что некоторое знание каким-то образом уже нам известно, так как в противном случае совершенно не ясно, почему в отношении одного рода истин сомнение и запрос на проверки присутствует, а в отношении других — отсутствует совсем.

Цель данного аргумента в том, чтобы показать, что при обретении опыта возможны случаи произвольного придания впервые полученному знанию абсолютного статуса — произвольного повышения уровня достоверности. Единжды убедившись в том, что стороны квадрата равны, мы не будем проверять все остальные квадраты с помощью линейки. Ключом к пониманию врожденного знания выступает явление абсолютной уверенности: везде, где она имеет место, мы можем заподозрить действие врожденных механизмов. Целиком данный третий аргумент выглядит так: анализируя свой опыт, мы обнаруживаем в нем убежденности разной интенсивности. Все основанное на эмпирическом научении знание дает уверенность меньшей (сравнительной) интенсивности. Это связано с тем, что эмпирические факты даже при своей относительной стабильности не представляют нам конечную выборку случаев. Следовательно, уверенность большей (непосредственно абсолютной) интенсивности вообще не основана на опыте.

4. ВОЗРАЖЕНИЯ ЭМПИРИЗМА В СОВРЕМЕННЫХ ДИСКУССИЯХ

Рассмотрим некоторые возражения философов-эмпириков против врожденного знания. В Новое время, когда дискуссия о природе врожденного знания заняла центральное место среди прочих философских проблем, глав-

ные аргументы против «врожденных идей» были следующие: 1. Нельзя утверждать, что, как только мы слышим определенную истину, мы ее принимаем и преисполняемся абсолютной убежденности. Многие идеи вообще не понимаются ни с первого, ни со второго раза — нужен опыт и разнообразные пояснения; 2. Никакого латентного знания нет — все, что мы понимаем, мы понимаем в качестве памяти о ранее пережитом чувственном опыте; 3. Нельзя сказать, что всем людям без исключения ясны или могут быть ясны одни и те же идеи, в особенности сложные и абстрактные идеи, например из области математики, логики или философии.

Современные философы, которые находят нативизм проблематичным, также высказывают определенные возражения. Мы рассмотрим некоторые из наиболее значимых возражений против нативизма. Если руководствоваться целью прояснения ключевых сомнений, которые заставляют многих философов пренебрегать нативизмом как основой для теоретического осмысления возможностей разума, именно эти общие возражения требуют ответа.

Первое, и самое курьезное, с точки зрения классики философской мысли возражение касается указания на «половинчатость» нативистской аргументации (или «неполную доказанность»). Скептически настроенные к нативизму философы часто полагают, что, пока нативизм не достигнет наивысшей степени валидации, мы не должны воспринимать его всерьез. Под наивысшей степенью валидации подразумевается в данном случае требование раскрытия и проявления навыков в условиях полной депривации опыта. Некоторые авторы (Goodman, 1967) утверждают, что если при обсуждении языковых компетенций не продемонстрирована полная независимость от опыта, то нативизм даже недостойн обсуждения. Иными словами, правильно поставленный эксперимент изоляции должен был бы гарантировать, что испытуемые (например, младенцы, такие как «дети-Маугли») растут в условиях полного отсутствия языкового ввода. Если же хотя бы какой-то языковой, в данном случае, опыт присутствует, нативизм «жульничает в своей аргументации».

Согласно позиции таких философов, нативизм следует рассматривать только после того, как будут исключены все эмпиристские альтернативы. Для эмпирических подходов само словосочетание «врожденное знание» может показаться безумием — как можно утверждать, что маленький ребенок, а то и взрослый человек, способен что-то знать до того, пока это не ощутит и не воспримет в качестве предмета чувственного опыта? Хотя эти соображения представляются весьма здравомыслящими, они, однако, совершенно неуместны в качестве способа критики нативизма. Уже Кант, будучи главным сторон-

ником априорного знания, повторяет: никакое знание без наглядного чувственного созерцания невозможно, поскольку «понятия без ощущений пусты» (Kant, 1953). Из современных данных мы знаем (McNeil, Polloway & Smith, 1984), что ребенок, который был лишен возможности видеть, слышать, получать тактильные ощущения, не говоря уже о среде общения и обучения, не просто не разовьется в мыслящую личность, но его интеллект окажется критически недоразвитым. Как же тогда можно хоть на минуту представить, что развитие компетенций возможно без опыта?

Знаменитый тезис Канта о том, что «никакое познание не предшествует во времени опыту, но также целиком не происходит из опыта» (Kant, 1953), является наилучшим объяснением многим дилеммам современного противопоставления нативизма и эмпиризма, которые необходимо дополнить классическими аргументами трансцендентализма. Полная формулировка этого тезиса содержится в первых строках заглавного труда Канта — «Критике чистого разума»:

Без сомнения, всякое наше познание начинается с опыта; в самом деле, чем же пробуждалась бы к деятельности познавательная способность, если не предметами, которые действуют на наши чувства [...]? Следовательно, никакое познание не предшествует *во времени* опыту, оно всегда начинается с опыта. Но хотя всякое наше познание и начинается с опыта, отсюда вовсе не следует, что оно целиком происходит из опыта. Вполне возможно, что даже наше опытное знание складывается из того, что мы воспринимаем посредством впечатлений, и из того, что наша собственная познавательная способность (*только побуждаемая чувственными впечатлениями*) (Курсив наш. — Д. Г.) дает от себя самой, причем это добавление мы отличаем от основного чувственного материала лишь тогда, когда продолжительное упражнение обращает на него наше внимание и делает нас способными к обособлению его. (Kant, 1953, I)

Опыт «запускает» способности, но не формирует их целиком, как думают эмпирики. Он абсолютно необходим для того, чтобы внутренняя программа обработки чувственных данных начала работать, но совершенно бесполезен в плане того, *как* именно будет происходить обработка.

Таким образом, идею «врожденности» лучше толковать как «способность возведения в закон некоторых из полученных из опыта данных». Действие принципа врожденности (априорности) можно заметить везде, где есть действие «поспешной генерализации» в терминах эмпириков и «возведения в закон» в терминах трансценденталистов.

Еще одним традиционным возражением является *принцип экономии*. Согласно ему эмпирические методы предпочтительнее, поскольку они экономнее

в своих объяснительных средствах. Эмпиристская теория апеллирует к меньшему числу ментальных структур и процессов, лежащих в основе психологического развития. Между тем аргумент от «экономии объяснительных средств», как всегда, является довольно двусмысленным. Экономия в данном случае можно толковать как требование не «умножать сущности без необходимости» и ограничиваться объяснением в терминах наблюдаемых каузаций, не прибегая к особым внутренним принципам или скрытым механизмам.

Вместе с тем наличие каждого из таких «принципов» или «механизмов» можно считать весьма «экономным» с точки зрения компактности объяснения там, где в альтернативном случае пришлось бы учитывать и накапливать довольно много фактов и непосредственных данных. Для объяснения той или иной языковой компетенции апелляция к теории «жесткого ядра» (Chomsky, 1980; Chomsky, 1986) намного экономнее, чем учет и протоколирование многих данных, поступающих извне. Нативистские модели изучения языка значительно менее требовательны к мониторингу и калькуляции данных, равно как постоянному протраиванию гипотез (о связи разных данных с разными результатами), нежели эмпиристские модели.

Еще одним возражением является обвинение нативизма в «ненаучности». Подобный упрек едва ли можно считать специфическим для нативизма, так как в наши дни его часто высказывают в отношении любого «кабинетного знания» (*desk-based studies*). В данном случае следовало бы лишь уточнить статус «научности», и если под ней подразумевается исключительно естественно-прикладное направление, то целый ряд теоретических разработок, включая в первую очередь основанную исключительно на мысленных экспериментах концептуально-теоретическую философию, будет подвергнут научной дискриминации. Но если полагать научным аргументированное и умозрительно-наглядное знание, то нативизм ничем не уступает любой другой подкрепленной рациональными доводами и аргументами теории.

Иногда считается, что нативизм демонстрирует своего рода «эвристическую лень», просто постулируя врожденную структуру, или содержательную организацию внутренних компетенций (Barsalou, 1999; Prinz, 2004). Обвинение в эвристической лени зачастую возникает из унификации объяснений, основанных на количественных методах. Между тем нативисты и эмпирики решают, по сути, весьма сходные задачи, а именно ищут объяснения формированию ментальных способностей и ключевых когнитивных компетенций.

Однако упрек в недостаточности усердия нативизма в делах объяснения кажется весьма наивным, поскольку нативизм никогда не отказывается

от аргументации, но более того, полагает, что простая подборка фактов сама по себе ничего не объясняет, но нуждается в дополнительной метаязыковой концептуализации. Чтобы факты что-то значили, они должны согласовываться с концептами. Кроме того, нативизм не заключается в простом постулировании специализированных систем приобретения опыта, но намерен подробно описать их и объяснить. Если же определенные участки этого ландшафта так и остаются необъясненными, то упрек в мистериальности нативизма все же не будет справедливым, так как указание на таинственность той или иной структуры или принципа является в нативизме примером организованного незнания. Мы не только понимаем, почему что-то должно остаться необъяснимым, но и отвечаем за этот участок, примерно предполагая, что от него ждать.

Последнее возражение, которое мы рассмотрим, напрямую направит нас к последнему разделу данной статьи. Речь идет об указании на неопределенность нативизма как программы. Нативизм слишком многогранен, запутан и произволен, чтобы быть самостоятельной программой. Неясно, какой именно тип врожденности предполагается в нативизме. То ли это понятный современным ученым дискурс о редупликации информации геномом и передаче инстинктов, то ли довольно абстрактное представление о когнитивном и его законах. Например, ни Хомский, ни Фодор не считают себя специалистами по генетике или строению мозга, но выделяют умозрительную модель освоения языка. Те философы, которые далеки от биологической идеи врожденности, прибегают к понятию «априорности», которая отлична не только от «врожденности» рационалистической традиции, но и от естественно-научной интерпретации врожденности как инстинкта. Если обучение и последующая «распаковка» потенцированных структур напрямую зависит от пребывания в релевантной среде (познание должно начинаться с опыта, как, например, запуск программы универсальной грамматики должен происходить в условиях доступа к уже звучащей речи), то не всегда ясно, чем программы врожденного знания отличаются от программ эмпиризма.

Большинство современных исследований по когнитивным наукам так или иначе ориентированы на практические результаты и прагматику взаимодействия с процессами. Если в плане проявления способностей и комплектации опыта фактическими реализациями требуется такой же тип взаимодействия (обучение, развитие, погружение в среду), как в рамках эмпирических программ, критерии отличия самих программ размываются. Существенным в нативизме является указание на то, что часть программ, определяющих мышление, поведение или работу других навыков, не является усвоенной, но как их определить на практике?

Теоретики врожденного знания дают нам здесь относительно четкие рекомендации — везде, где замечен необъяснимый прирост информации и повышение уровня ее обобщения, речь идет о вмешательстве врожденного знания. По-видимому, это так, но было бы полезно выделить еще одно критериальное отличие, которое покажет ключевое отличие нативизма от эмпиризма. Оно касается не столько того, как на практике взаимодействовать со структурами, формирующими опыт, но того, что мы в принципе можем знать о самих структурах, выступающих источником формирования опыта. Именно этот критерий позволяет обрести нативизму более устойчивую позицию и, окрепнув в своей трансценденталистской версии, составить более явный противовес натуралистическому эмпиризму. Ниже мы как раз попробуем это показать.

5. ОШИБКА ОПИСАНИЯ ИСТОЧНИКА ОПЫТА КАК НАХОДЯЩЕГОСЯ В ОПЫТЕ. ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Возможно, если исследователи хотят использовать термин «врожденный», им не стоит искать четкого определения, которое будет аутентично всем возможным случаям. Скорее, следует искать концептуальное разъяснение, которое покажет, как отличается эпистемический статус представления о нативизме в его натуралистской версии и в трансценденталистской. Как мы попробуем показать, именно трансценденталистская версия нативизма наиболее корректно описывает положение т. н. врожденного знания в качестве объекта изучения.

Для того чтобы увидеть, чем отличается натуралистская версия нативизма от трансценденталистской, введем понятие «ошибки описания». Под ошибкой описания будем подразумевать такой тип описания, когда условие формирования некоторого наблюдения описывается на том же языке, на котором описывается содержание наблюдения. Речь идет о смешении языков и применении в конечном итоге нерелевантного языка. Ниже мы поясним, что имеется здесь в виду, какое отношение эта ошибка имеет к рассмотренным выше теориям нативизма и эмпиризма, а также каким образом трансцендентальная феноменология помогает обнаружить данную ошибку.

Теории, защищающие нативизм, как будто начинают с подкупающе здоровой интуиции о том, что присущий нам опыт не редуцируется целиком к обстоятельствам научения. Однако после этой установки они все больше дрейфуют в направлении натурализации описания врожденного знания, уверенно связывая его

со строением мозга, устройством тела, эволюционными процессами и пр. В частности, утверждается, что те или иные компетенции есть и у людей, и у животных, они лишь градуируются в ходе эволюции и пр. Но внедрение источника происхождения опыта в мир в качестве части этого мира больше похоже на логическую ошибку. Если есть такие когнитивные структуры, которые не получается вывести в качестве следствий из наблюдаемых в опыте причин, то также не совсем корректно связывать наличие этих структур с чем-то, что наблюдается в опыте.

В данном утверждении подразумевается, что специфику врожденного, в отличие от приобретенного, не следует связывать со спецификой эмпирических объектов и явлений. Например, когда мы говорим, что врожденная способность к освоению языков есть результат определенной организации мозга или нейронных процессов в нем, то связываем между собой те уровни, которые не должны связываться. Так же происходит в случае указания на то, что необъясненные механизмы приращения навыков в области математических или логических действий вытекают из места, занимаемого в эволюционной цепочке. И мозг, и строение органов, и пр. природные объекты и явления не предполагают систематической непознаваемости, однако одним из ключевых параметров врожденных способностей является систематическая неясность того, как они синтезируют навык или его актуализацию. В частности, Хомский указывает, что вопросы, имеющие отношение к скрытым механизмам формирования лингвистических компетенций, имеют скорее характер тайны, чем научной проблемы (Chomsky, 1980; Chomsky, 1986).

В большинстве нативистских теорий не ясно, что именно будет отнесено к области врожденного, и возможно ли, например, это сделать апостериорно, то есть эмпирически. Не указана также диспозиция между феноменологией сознания и эмпирической психологией, из которой следует различие когнитивных подходов к сознанию и, собственно, феноменологических. Так, к когнитивным подходам можно будет отнести, к примеру, особенности визуальной обработки пространства: способы восприятия цветов, размеров, оптических иллюзий, текстов и т. д. (Bayne & Montague, 2011). К феноменологическим же, помимо самих переживаний, составляющих содержание данных восприятий, могут быть отнесены также трансцендентальные аспекты восприятия и осознания пространства (в значении кантовских априорных форм чувственности). В феноменологии Гуссерля источник опыта, например, «Я» улавливается в ходе последовательной сменяемости актов сознания. Регистрация «Я» всегда осуществляется только в форме какого-либо действия сознания, как своего рода «имманентная объективность» *сознания как сознания*. В «Логических иссле-

дованиях» «Я» сводится к потоку осознаваемых переживаний. В «Идеях I» оно представлено как полюс «интенциональности, с которым соотносятся все интенциональные акты, но которые не аффицированы им самим» (Husserl, 2009, 108). Иными словами, «Я» само не схватывается как сущность или объект, но позволяет формализовывать весь опыт в подобных категориях.

Объективация основана на допредикативном опыте, который, по мнению Гуссерля, предшествует опыту предикативному. Допредикативный опыт переживается необъективируемо, в поглощенности схваченными объектами. Феноменологически «переживающий опыт» обнаруживается благодаря объектам, лежащим на пути протекания этого опыта. В феноменологии есть по крайней мере одно сущее, принципиально недоступное объективирующему способу обнаружения — сам переживающий. Для феноменолога, если бы он был приглашен к дискуссии с нативистами, «врожденное» было бы рассмотрено как то, что предшествует любой объективации и потому само обращено в объект быть не может. При таком подходе корректнее всего воздержаться от вопроса о формализации врожденного знания, поскольку попытки подобной реконструкции попросту бессмысленны. Этой стратегии соответствует принятое в феноменологии Гуссерля «заключение в скобки». (Dreyfus & Hull, 1982)

Принципиальные положения феноменологической теории согласуются с классическими положениями трансцендентальной философии, в которой то, что лежит в основании опыта («условия возможности опыта»), никогда не являются объектами внутри этого опыта. Как следствие, на одном и том же языке описать условия возможности опыта и сам опыт нельзя. Напротив, одна из предпосылок современных программ нативизма заключается в том, что существование любого предмета как в опыте, так и в основании опыта раскрывается единообразным способом. Проблематический характер онтологии врожденного «знания» остается для большинства нативистских программ незамеченным. Кардинальное различие между способом данности опыта и способом данности обладателя опыта в традиционной феноменологии, их несводимость к единому, универсальному способу данности, образует фактически существо доопытного условия опыта. Данное различие оговаривает, что врожденные условия знания сами не лежат в области доступного нам типа знания. В этом смысле различного рода нативистские теории правы в том, что ставят под сомнение однородность всякого знания, как индуцируемого накоплением внешнего опыта, но не правы в том, что игнорируют неоднородность режимов эпистемического доступа к эмпирическому и врожденному.

Однако при таких условиях понятием врожденности мы скорее обозначаем не объект или явление, а эпистемическую капитуляцию, невозможность

объяснить то, с чем имеем дело. Когда мы указываем, что в том или ином случае работает врожденное знание, мы указываем на своего рода провал в объяснении, пропуск в последовательности естественно-научных толкований. Последующее же связывание подобных провалов с эмпирически прозрачными для наблюдения сущностями будет примером несообразности. В рамках нативизма, который мог бы опираться на трансцендентализм, врожденные механизмы скорее будут зафиксированы как предел позитивного объяснения. Одним из неотъемлемых принципов трансцендентализма является то, что формирование опыта делается изнутри определенной перспективы и потому последующее помещение источника опыта в сам опыт было бы ошибкой. В применении к проблеме врожденного знания это требование означало бы, что если происхождение некоторых способностей не получается вывести из опыта, то приходится указать на обрыв в прослеживании данного опыта, а именно своего рода обозначение недостатка объяснительных средств, которым и будет понятие врожденного (вне-опытного). Поэтому и происхождение данных разрывов едва ли может быть причинно-следственным образом увязано с эмпирическими объектами. Такова позиция трансцендентализма. Напротив, нативизм натуралистского типа толкует врожденность буквально как инстинкт, записанный в генах или наиболее древних подкорковых слоях мозга.

Первым и ключевым аргументом против такого описания является простой довод в пользу невозможности описывать то, что объявляется до некоторой степени ненаблюдаемым с помощью характеристик наблюдаемого. Если мы признаем, что врожденный источник опыта несводим к тому, что дано в опыте, то последующее его описание как продукта эволюции, порождаемого мозгом, или качества, присущего прочим животным (это нельзя ни утверждать, ни отрицать), является результатом неоправданного применения языка, взятого из описания других объектов. Строго говоря, мы не можем никак содержательно рассуждать ни о природе источника опыта, ни о причинах или условиях его возникновения. Проблемой подобных описаний будет то, что при их формировании мы будем вынужденно обращаться к языку эмпирических объектов и явлений, поскольку никаких других понятий и терминов у нас под рукой нет. Однако коль скоро врожденное знание было объявлено неэмпирическим объектом, применимость к нему эмпирического языка описания не имеет под собой достаточных оснований. Применение эмпирического языка в данном случае не более оправданно, чем применение любого другого метафизического языка, в том числе спиритуалистского языка, утверждающего существование душ.

Второй аргумент будет состоять в том, что данное нам как результат или следствие некоторых условий формирования не может включать эти условия как часть данных. Они не могут быть даны внутри того, что с их помощью дается. Тот опыт сознания, посредством которого некая реальность дается, не есть часть этой реальности.

Если теперь применить этот принцип еще более расширительно, а именно к т. н. врожденному знанию, то можно будет сказать, что если такое «знание» есть условие некоторого опыта, то само оно в поле этого наблюдения не попадает. Похоже, что мы должны иметь в виду некую *эпистемическую асимметрию* наблюдаемого и наблюдающего. Врожденный источник опыта не может быть частью наблюдаемого мира. Используя некоторую метафору, можно сказать, что наблюдение, формирующее картину, не является частью картины в качестве изображенного на ней.

Именно поэтому мы не находим то, что называется врожденными структурами знания в среде известных и доступных нам эмпирических явлений. С помощью перспективы наблюдения мы находим мир и все объекты в нем, но мы не находим эту перспективу как объект. Если говорить о статусе врожденного знания в природном мире, то его сущность скорее будет неким разрывом или слепым пятном (мы видим аудирование языка как последовательную историю научения ребенка, но то, *как* он усваивает язык, не есть часть этого процесса). Так, когда Хомский говорит о наличии некоего «жесткого ядра» в мозге (которое отвечает за то, как будет происходить усвоение и воспроизводство языка), в качестве примера врожденности, то механизм работы данного «ядра» будет представлен в мире «разрывом в объяснении» (*explanatory gap*) (Levine, 1983).

Таким образом, если мы соглашаемся с тем, что источник формирования опыта будет систематически ускользать из описаний, стремящихся к формированию однородного поля объяснения, то мы рискуем в принципе не иметь возможности создать даже умеренно натуралистическую теорию врожденного знания.

Принимаются ли во внимание эти соображения в большинстве современных теорий, называющих себя нативистскими? Как кажется, не вполне. Позиция большинства нативистских подходов больше напоминает попытку объявить врожденное знание еще одним фундаментальным законом природы, то есть фактически вслед за эмпиризмом все объявить частью наблюдаемого опыта. Ключевым в этой позиции является то, что природа как нечто проявленное и состоящее из объектов и отношений между ними может и должна вместить в себя еще один объект, уникальный и удивительный, в данном слу-

чае врожденные структуры знания. При этом нативизм пытается сохранить особую не сводимую к формируемым эмпирическим научениям автономию врожденного знания. Но саму эту автономию, согласно нативизму, который мы назовем «натуралистски ориентированным», следует поместить в мир — мир природы, единственный и окончательный.

Самым главным в этом тезисе является идея проблемности применения к врожденному знанию того же языка описания, который мы используем для описания объектов природы, а именно эволюции, активности мозга, градуальности, присущности живым существам и пр. Однако, согласно некоторым примерам нативизма, которых мы коснемся ниже, врожденные структуры знания должны стать частью природного мира. Они должны стать однородными всему наблюдаемому. Та услуга, которую нативистские проекты оказывают теории врожденности, сводятся, по сути, к идее сохранения врожденных принципов в области, релевантной опыту, то есть внутри природного мира. Напротив, согласно трансцендентализму, «врожденное» знание есть условие возможности опыта, а не его ингредиент. Поэтому фактически представление о «врожденном» знании должно быть трансцендентальным — не принадлежать миру вещей, природы и любых других натурализованных объектов. Но тогда суждение о том, что способность к речевой активности или счету свойственны человеку как представителю определенного биологического вида, носителю определенных физиологических свойств и поэтому не могут проявиться у представителей другого биологического типа, кошек или домашних рыбок, как будто «замешено» именно на ошибке описания. Мир как определенный способ концептуализации появляется в силу наших познавательных способностей, поэтому искать сам источник этих способностей внутри мира, значит совершать логическую ошибку подмены причины следствием.

На сегодняшний день в рамках аналитической традиции можно назвать двух главных философов, чьи подходы и теорию, с некоторыми оговорками, могут быть расценены как нативистские и в той или иной степени примыкающие к натурализму. Одна из них — «теория когнитивной замкнутости», разработана Колином Макгинном. Под понятием когнитивной замкнутости Макгинн подразумевает следующую идею. Сознания могут быть разных типов и при этом они оснащены различными мощностями и ограничениями, предубеждениями и слепыми пятнами, так что определенные свойства (или теории) могут быть доступны одним сознаниям, но закрыты для других. То, что закрыто для мозга крысы, может быть открыто для мозга обезьяны, и то, что открыто для человеческого мозга, может быть закрыто для мозга обезьяны. Функционал мозга

не устроен по принципу «все или ничего», он градуируется в зависимости от уровня сложности. Соответственно, и сознание есть такой же биологический продукт, как организмы, и так же, как организмы, «сознания» могут быть различных форм и функциональных потенциалов и соответственно более или менее подходящими и релевантными для решения определенных когнитивных задач (McGinn, 1999, 67). Нехватка функционала мозга не компенсируется никаким научением и тренировкой, поскольку границы функциональных возможностей познания продиктовываются генетической программой того или иного мозга. Как видно, Макгинн толкует врожденные ограничения познания в довольно натуралистическом ключе — речь идет о том, что у человека есть некие биологические параметры (строение мозга или органов чувственности), которые выступают его системными ограничениями. Мыслительные способности человека ограничены рамками его природного своеобразия. Поэтому позицию Макгинна сложно рассматривать в качестве трансценденталистской.

Согласно второму (уже упоминаемому) подходу, нативизму Хомского, лингвистические успехи людей в их родном языке слишком велики, чтобы их можно было объяснить влиянием окружающей среды. Согласно гипотезе лингвистического нативизма, в сознании человека существует врожденный «аппарат усвоения языка» (Chomsky, 1980), который не имеет ничего общего с мучительным и затяжным процессом обучения взрослых английскому или китайскому. Данный подход противостоит эмпирической (бихевиористской) теории «*storage bin*»: никаких врожденных механизмов не существует, и ребенок осваивает язык с чистого листа, воспроизводя то и только то, что получает из опыта (Brown & Herrnstein, 1975). Нативизм убедительно апеллирует к тому, что дети слышат только ограниченную речь, по большей части плохо составленную, и все же быстро конструируют сложную систему правил для создания неограниченного числа предложений. Их знание выходит далеко за пределы их непосредственного опыта. Приходится заключать, что дети строят грамматику не из услышанного ими речевого материала, а в соответствии с внутренним планом — *генетической программой* (Chomsky, 1967, 81–90; Chomsky, 1980, 1–15). Дети должны интуитивно знать, какие сочетания слов возможны, а какие — нет. Если бы у детей не было такого знания и им пришлось усваивать грамматику на опыте, то они никогда не овладели бы такой сложной системой за столь короткое время. Важно здесь то, что дети не просто подражают правилам взрослых, а организуют речь своими собственными способами. Соответственно, когда дети овладевают грамматикой, ими руководит врожденное знание *Universal Grammar* — неосознаваемое, автоматическое знание общей

формы, лежащей в основе любого языка (Chomsky, 1986, 145–150). Однако, согласно Хомскому, данный механизм имеет связь с физиологией мозга. В частности, как только мозг достигает определенной степени созревания — вероятно, при достижении половой зрелости, — дети теряют способность усваивать язык так же легко, как раньше (Chomsky, 1986, 149–150). Также понятие «жесткого ядра» у Хомского не исключает локализацию в мозге и до некоторой степени объясняются сугубо функциональными особенностями устройства мозговой активности. Таким образом, несмотря на то что, как утверждает Хомский, формирование речевой активности и языковых структур нельзя объяснить в терминах взаимодействия организма со средой (оно необходимо, лишь чтобы дать развитию первый толчок), его можно истолковать как произведенное физиологией мозга. Согласно Хомскому, языковая компетенция изолирована от прочих когнитивных компетенций, развитие и изменение которых никак не влияет на «распаковку» способностей к языку, а предшествующий внеязыковой опыт не регулирует и не порождает лингвистического поведения. Вместе с тем лингвистические компетенции не изолированы от влияния мозга и могут до определенной степени рассматриваться как его производные. Получается, что, несмотря на убежденность в нативизме, нет никаких препятствий к тому, чтобы толковать само устройство врожденности как вытекающее из объектов и явлений опыта. Данная позиция характерна для натуралистской парадигмы, с которой нативизм Хомского оказывается вполне совместимым. Такой тип нативизма также можно было бы охарактеризовать как натуралистский.

Вместе с тем воздержание от того, чтобы напрямую связывать логику «врожденности» с проявленными в физической Вселенной предметами (например, мозгом) или явлениями (например, эволюцией) могло бы помочь нативизму в обретении некоторой последовательности, независимости и эвристичности. Если трактовать эффект «врожденности» как, в первую очередь, невыводимость из опыта и сохранять эту трактовку на протяжении всей истолкованности природы врожденного, то нативизм получит более основательные и ясные основания существования. Такая позиция, которую можно обозначить трансценденталистской, лучше справляется с сохранением аутентичности нативизма в сравнении с эмпиризмом. Если в эмпиризме каждый предмет или явление обусловлены прозрачностью (возможно, больше потенциальной, чем актуальной) опыта, то нативизм много выиграл бы в своей альтернативе, если бы настаивал на принципиальной несводимости особых компетенций к любым формам эмпирической данности. Позиция, которая придерживается по меньшей мере воздержания от редукции «врожденных» знаний к опыту лучше

удерживает суверенитет когнитивности как субстанциально цельного и независимого от опыта образования, а следовательно, позволяет точнее и однозначнее отделить эмпирические теории научения от нативистских.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании мы постарались провести некоторую ревизию спора между нативизмом и эмпиризмом, проследив ключевые аргументы и контраргументы каждой из сторон. Несмотря на солидную историю этого противостояния, а также некоторые важные прояснения, предпринятые в процессе полемики, современные обсуждения повторяют старые соображения, зачастую игнорируя имевшие место в истории прорывы в прояснении позиций. В частности, по вопросу о валидности аргумента о полной эмпирической изоляции, мы обратились к Канту для реставрации пояснения различия между запускающей и порождающей ролями опыта. Мы рассмотрели также моменты возникающей двусмысленности в истолковании различий между нативизмом и эмпиризмом в современных дискуссиях. Многие из этих особенностей связаны с сохранением новоевропейской трактовки рационализма и эмпиризма с добавлением к рационализму натурализма. Врожденное знание в современных дискуссиях между нативистами и эмпириками отличается от понятия «априорное» в том числе включением натуралистской перспективы, что в свою очередь размывает отличие между программами. Между тем если последовательно применять трансценденталистское и до определенной степени феноменологическое прочтение нативизма, то можно заметить, что интерпретация врожденного знания как части эмпирической Вселенной, философски небезупречна. Врожденность компетенций не является эмпирическим фактом, обнаруженным в ходе естественно-научного исследования. Скорее указание на «врожденность» представляет собой систематическое упущение в самой системе описания природы знания и его происхождения, построенной эмпиризмом. Соответственно, принятие во внимание данного замечания должно привести к более ясному основанию деления между нативизмом и эмпиризмом. В частности, обращение к феноменологии может помочь заметить важность идеи неприсущности источника опыта опыту. Феноменология, сохраняющая идею данной неприсущности, имеет в виду радикальный разрыв с онтологией природных объектов, и не станет, в частности, выводить врожденное знание из эволюционных механизмов, равно как помещать в состав биологического устройства организмов (например, мозга или протекающих в нем нейронных процессов).

Нативизм, свободный от натуралистской интерпретации, может представить более продуманную эпистемологию, в которой представлению о врожденности будет придан особый вне-эмпирический статус, идет ли речь о его происхождении или способе, каким он проявляется в мире. В любом случае трансцендентальное требование невозможности двух эпистемических режимов в качестве сосуществующих, в котором один производит опыт, а другой этот опыт познает, может придать современным дискуссиям между нативизмом и эмпиризмом новое более плодотворное направление.

REFERENCES

- Ariew, A. (1996). Innateness and Canalization. *Philosophy of Science*, 63 (S3), S19–S27.
- Barsalou, L. W. (1999). Perceptual Symbol Systems. *Behavioral and Brain Sciences*, 22 (4), 577–660.
- Bauer, R. H. (1979). Memory, Acquisition, and Category Clustering in Learning-disabled Children. *Journal of Experimental Child Psychology*, 27 (3), 365–383.
- Bayne, T., & Montague, M. (2011). *Cognitive Phenomenology*. Oxford: Oxford University Press.
- Brown, R., & Herrnstein, R. (1975). Moral Reasoning and Conduct. *Psychological Monographs*, 70, 14.
- Carey, S. (2000). The Origin of Concepts. *Journal of Cognition and Development*, 1 (1), 37–41.
- Chomsky, N. (1967). Recent Contributions to the Theory of Innate Ideas: Summary of Oral Presentation. In *Proceedings of the Boston Colloquium for the Philosophy of Science 1964/1966: In Memory of Norwood Russell Hanson* (81–90). Dordrecht: Springer.
- Chomsky, N. (1980). Rules and Representations. *Behavioral and Brain Sciences*, 3 (1), 1–15.
- Chomsky, N. (1986). *Knowledge of Language: Its Nature, Origin, and Use*. Westport: Greenwood Publishing Group.
- Cowie, F. (1999). *What's Within? Nativism Reconsidered*. New York: Oxford University Press.
- Descartes, R. (1951). *Meditations on First Philosophy*. Cambridge: Newcomb Livraria Press.
- Dreyfus, H., & Hall, H. (1982). *Husserl, Intentionality and Cognitive Science*. Cambridge: MIT Press.
- Fodor, J. A. (1983). *Representations: Philosophical Essays on the Foundations of Cognitive Science*. Cambridge: MIT Press.
- Gelman, R. (2000). Domain Specificity and Variability in Cognitive Development. *Child Development*, 71 (4), 854–856.
- Goodman, N. (1967). The Epistemological Argument. In *Proceedings of the Boston Colloquium for the Philosophy of Science 1964/1966: In Memory of Norwood Russell Hanson* (102–107). Dordrecht: Springer.
- Husserl, E. (2009). *Ideas to a Pure Phenomenology and to a Phenomenological Philosophy. Book I* (A. Michailov, Trans.). Rus. Ed. Moscow: Akademicheskii proekt Publ. (In Russian)
- Kant, I. (1953). *Critique of Pure Reason*. Rus. Ed. Moscow: Ripol Classic Publ. (In Russian)
- Laurence, S., & Margolis, E. (2001). The Poverty of the Stimulus Argument. *British Journal for the Philosophy of Science*, 52 (2).
- Laurence, S., & Margolis, E. (2013). In Defence of Nativism. *Philosophical Studies*, 165, 693–718.
- Leibniz, G. W. F. (1996). *New Essays on Human Understanding*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Levine, J. (1983). Materialism and Qualia: The Explanatory Gap. *Pacific Philosophical Quarterly*, 64 (4), 354–361.

- Lovaas, O. I. (1977). *The Autistic Child: Language Development Through Behavior Modification*. Irvington: Irvington Publishers.
- McGinn, C. (1999). *The Mysterious Flame: Conscious Minds in a Material World*. New York: Basic Books.
- McNeil, M. C., Polloway, E. A., & Smith, J. D. (1984). Feral and Isolated Children: Historical Review and Analysis. *Education and Training of the Mentally Retarded*, 19 (1), 70–79.
- Prinz, J. J. (2004). *Furnishing the Mind: Concepts and Their Perceptual Basis*. Cambridge: MIT Press.
- Putnam, H. (1967). The 'Innateness Hypothesis' and Explanatory Models in Linguistics. In *Proceedings of the Boston Colloquium for the Philosophy of Science 1964/1966: In Memory of Norwood Russell Hanson* (91–101). Dordrecht: Springer.
- Skinner, B. F. (1957). The Experimental Analysis of Behavior. *American Scientist*, 45 (4), 343–371.
- Sober, E. (1999). Testability. *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*, 73 (2), 47–76.
- Stich, S. P. (Ed.). (1975). *Innate Ideas. Vol. 10*. Berkeley, Los Angeles: University of California Press.